

DOI: 10.25178/nit.2018.4.9

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ В МОТИВАХ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ КАЛМЫКОВ*

Баира Б. Горяева

Калмыцкий научный центр
Российской академии наук,
Российская Федерация

TRADITIONS OF FOLK MEDICINE IN THE MOTIF OF KALMYK FAIRY TALES

Baira B. Goryaeva

Kalmyk scientific center
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Традиции народной медицины калмыков отражены в фольклоре в разных формах и изученность проблемы разная. Мотивы исцеления и оживления подробно рассмотрены исследователями на материале героического эпоса и богатырских сказок. При этом волшебная сказка калмыков в этом аспекте специально не рассматривалась и впервые рассматривается в данной статье. Источниками выступили как опубликованные тексты сказок, так и не опубликованные, которые хранятся в научном архиве Калмыцкого научного центра РАН.

В калмыцких волшебных сказках, также, как и героическом эпосе и богатырских сказках, часто присутствуют мотивы магического воскрешения и исцеления героя. Представители иных миров (как верхнего, так и нижнего) обладают магическими способностями воскрешать и исцелять. Иногда целительство осуществляется хтоническими существами подземного мира помимо их воли.

В сказках отражены два основных способа лечения народной медицины: лекарственная и нелекарственная виды терапии. Среди нелекарственных средств можно назвать заговоры как одно из

The traditions of Kalmyk folk medicine appear in folklore in various forms, and not all of those have received enough attention from researchers. The motifs of healing and revival have been studied in detail on the material of the heroic epic and tales. At the same time, Kalmyk fairy tales have never been considered in this aspect and are analyzed for the first time in this article. For sources, we rely on both published texts of fairy tales and their unpublished versions, preserved at the research archives of the Kalmyk scientific center of RAS.

Kalmyk fairy tales, as well as the heroic epic and tales, often have motifs of magical resurrection and healing of the hero. Representatives of other worlds (either upper or lower) may have magical powers to revive and heal. Sometimes healing is performed by chthonic beings of the underworld against their will.

The tales reflect two main methods of treatment of traditional medicine: medicinal and non-medicinal types of therapy. Among the non-medicinal means, we can single out the charm as one of the potent

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Фольклор монголоязычных народов: тексты и исследования» (номер госрегистрации: АААА-А16-116053010034-8).

The study was conducted within the framework of the state subsidy - the project "Folklore of Mongolian-speaking peoples: texts and studies" (state registration number: АААА-А16-116053010034-8).

Горяева Баира Басанговна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8, каб. 155. Тел.: +7 (960) 897-73-73. Эл. адрес: baira.goryaewa@yandex.ru

Goryaeva Baira Basangovna, Candidate of Philology, Senior researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkina St., Elista, Russian Federation, 358000. Tel.: +7 (960) 897-73-73. E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

средств исцеления, произнесение которых сопровождалось дополнительными действиями с использованием огня, воды, а также серебра. Лекарственные средства подразделялись в свою очередь на растительные, животные и минеральные.

Материалы волшебной сказки дополняют картину традиций народной медицины калмыков, одновременно представляя особенности картины мира традиционной культуры.

Ключевые слова: калмыки; народная медицина; волшебная сказка; мотив исцеления; заговор

remedies, the saying of which was accompanied by additional actions involving fire, water, and silver. By their source, medicines were divided into vegetable, animal and mineral ones.

The examples found in fairy tales complement the picture of the Kalmyk folk medicine traditions, and at the same time help trace the world picture of their traditional culture.

Keywords: Kalmyks; folk medicine; fairy tale; motif of healing; charm

Введение

Традиции народной медицины предков калмыков — ойратов — складывались, как и вся традиционная культура, в условиях межкультурных контактов народов Центральной Азии. Распространению народной медицины среди ойратских племен, а позднее и калмыцкого этноса, способствовал кочевой образ жизни. Номад, чтобы выжить, вынужден был из поколения в поколение передавать накопленный опыт медицинских знаний, поэтому еще в древности появляются в народной среде целители. Накопленный опыт в области целительства ойраты с принятием буддизма дополнили знаниями из медицинских трактатов на тибетском и китайском языках.

Этапы развития народной медицины как области традиционных знаний в неразрывной взаимосвязи с национальной культурой отражены в фольклоре, в частности в волшебных сказках. Мотивы волшебной сказки калмыков отражают лечебную традицию народа, начиная с древних представлений о вере в магию слова, поклонения духам земли и воды, властелину Вселенной — Цаган Ааве (Белому Старцу).

В калмыцкой фольклористике в целом изучен мотивный фонд героического эпоса «Джангар» и богатырских сказок. Так, рассматривался мотив чудесного рождения героя в сказочном и героическом эпосе монгольских народов (Мутляева, 1978, 1982). А. Ш. Кичиков, изучив архаические мотивы происхождения героя, реконструировал целостное повествование о героическом сватовстве — *тууль-улигер*¹ (Кичиков, 1994, 10-18). Э. Б. Овалов дал типологию мотивов в эпосе монгольских народов (Овалов, 1982, 1999, 2001, 2004, 2011). Ц. Б. Селеева рассматривала отдельные мотивы калмыцкой и синьцзян-ойратской версий «Джангара» (Селеева, 2006, 2007, 2008, 2010), систематизировала основные эпические темы на материале

¹ Рабочим термином «тууль-улигер» (или «тууль-улигерный эпос») обозначаются эпические произведения, стадийно предшествующие героическому эпосу типа калмыцкого «Джангара» и повествующие о подвигах чудеснорожденного богатыря (его женитьба на «суженой» — волшебной деве из далекой страны, истребление чудовищ-мангусов, освобождение народа от насильников и установление мира на земле) (Кичиков, 1994, 11).

текстов десяти песен калмыцкой версии эпоса «Джангар» репертуарного цикла сказителя Ээлян Овла и их соответствий в синьцзян-ойратской версии (Селеева, 2013). Б. Б. Манджиева рассмотрела сказочный мотив бездетности с последующим мотивом вымаливания сына-наследника, а также мифологический мотив рождения наследника у престарелой героини в калмыцком эпосе «Джангар» (Манджиева, 2016). На материале песен Багацохуровского цикла «Джангара» Д. В. Убушиева описала отдельные архаические мотивы (Убушиева, 2006, 2007ab).

В. Т. Саранговым рассматривались отдельные мотивы богатырской сказки, в том числе мотив оживления героя (Сарангов, 2015: 25).

Т. Г. Борджановой (Басанговой) подробно изучена магическая поэзия калмыков (Борджанова, 1999), ею же рассмотрена заговорная поэзия в рамках обрядовой поэзии (Борджанова, 2007: 21–165). Наряду с заговорной традицией народной медицины калмыков рассматривались медицинские знания народа (Омакаева, 2002), в отдельных статьях описана лекарственная терапия, которая в свою очередь делится на растительную и животную (Шантаев, 2005; Шараева, 2008, 2015).

Мотивы исцеления и оживления подробно изучены на материале героического эпоса и богатырских сказок. При этом волшебная сказка калмыков в этом аспекте специально не рассматривалась. В связи с этим в настоящей статье в междисциплинарном аспекте впервые рассматриваются традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков.

Источниками исследования послужили как опубликованные, так и неопубликованные тексты волшебных сказок. Тексты еще неизданных сказок, хранящиеся в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН, были записаны учеными центра во время экспедиций по районам Республики Калмыкия во второй половине XX века. Среди опубликованных текстов самые ранние зафиксированы и изданы А. М. Поздневым в середине XIX в. на старокалмыцкой письменности *тодо бичиг* — ‘ясное письмо’. Публикация сказок начала XX века осуществлена Г. Й. Рамстедтом на калмыцком языке в фонетической транскрипции на латинице и в переводе на немецком. Четыре тома сказок «Хальмг туульс» (Калмыцкие сказки) представляют сказочную традицию калмыков XX столетия и изданы в современной калмыцкой орфографии. Сборник «Седклин күр» (Задушевный разговор) 1960 г. издания имеет рамочное обрамление, поэтому сказки даны без названий.

Для достижения поставленной цели будут решаться следующие задачи: мы рассмотрим мотивы магического воскрешения и исцеления в волшебной сказке калмыков, заговоры как средство исцеления, лекарственную терапию народной медицины.

Мотивы магического воскрешения и исцеления в калмыцкой волшебной сказке

В калмыцких волшебных сказках, также, как и героическом эпосе и богатырских сказках, часто присутствуют мотивы магического воскрешения и исцеления ге-

роя. Например, в сказке «Уладан Мерген» старшая сестра героя является супругой небожителя и как представительница верхнего мира она силой магии оживляет своего брата (Седклин күр, 1960: 81–86). Герой сказки Уладан Мерген повержен врагом и скинут в пропасть. Верные хозяину птица скопа, собаки Хасар и Басар, два соловых скакуна достают его из пропасти. Маленький соловый скакун богатыря поручает птице, собакам и большому соловому собрать кости Уладан Мергена и разложить их. Сам же отправляется на небо за сестрой Уладан Мергена, которая замужем за сыном человека из свиты Месяца.

Когда скакун доставил к своему хозяину небожительницу, со слезами на глазах сестра Уладан Мергена трижды перешагнула через брата, трижды ударила по нему *токугами* (подвесками для кос) — тело брата срослось. Еще три раза перешагнув, трижды ударив по нему *токугами*, дотронулась рукой, и Уладан Мерген поднялся (там же: 84–86).

Обратим внимание, что в мотиве оживления используются подвески для кос — *токуги*. Изначально в косы вплетали черные шнурки с целью противодействия злым силам. Со временем их заменили подвески, которые изготавливались из серебра, которому калмыки приписывали свойство оберега от нечистой силы. В данной сказке отражены древние представления предков калмыков о волосах как хранилище жизненной силы.

В свадебном обряде обязательным элементом было деление волос невесты на две косы, являвшиеся вместилищем жизненных сил жены и мужа. «Так, сжечь выпавшие волосы все равно, что сжечь себя. Поэтому считалось, что их необходимо закапывать. Замужней женщине запрещалось стричь волосы во избежание смерти мужа», — отмечает В. Т. Сарангов, рассматривая мотив воскрешения в богатырской сказке калмыков (Сарангов, 2015: 25).

Один из архаичных мотивов «поглощения и выхаркивания» существом иного мира в калмыцкой сказочной традиции связан с возвращением герою и его помощникам отнятых руки, ноги и глаза. Так в сказке о Бергин Бекин Цагане (Kalmückische Sprachproben, 1909: 31–47) старуха, живущая в расщелине земли, питается вшами и гнидами, пьет кровь девушки, воткнув свой клюв ей в затылок. Юноши-побратимы ловят и бьют старуху. Оказавшись при смерти, старуха говорит: «Того, кто без рук, сделаю с руками, тому, кто без глаз, верну глаза, того, кто без ног, сделаю с ногами!» Проглатывает и возвращает глаза и руки двум товарищам. Главного героя Бергин Бекин Цагана старуха проглатывает и не выпускает. Старуху убили, стали внутри нее искать, юноша не находится. По подсказке серого воробышка его находят в мизинце правой руки. Бергин Бекин Цаган появляется, став юношей с двумя ногами (там же: 46).

Достижение иного мира (места, где не бывал хан-отец) младшим сыном в волшебных сказках является условием возвращения зрения родителю. Иногда отец (представитель старшего поколения) отправляет сыновей в путь для того, чтобы их испытать. Сыновьям следует побывать там, где не бывал отец, увидеть то, чего не видел родитель. В калмыцкой сказочной традиции на этой завязке строятся сказки, в которых герой правильно реагирует на требования дарителя — спасает

от смерти змея из нижнего мира. Получает в награду чудесного коня, с помощью которого добывает красавицу из верхнего мира. После того как герой привозит красавицу-небожительницу и женится на ней, к хану-отцу возвращается зрение (Позднеев, 1892: 124–150; НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 81: 37–50).

Таким образом, представители иных миров (как верхнего, так и нижнего) обладают магическими способностями воскрешать и исцелять. Иногда целительство осуществляется хтоническими существами подземного мира помимо их воли.

Заговоры как средство исцеления в волшебной сказке калмыков

В народной медицине калмыков выделяют два основных способа лечения: лекарственная терапия и нелекарственная терапия. Лекарственные средства делятся на растительные, животные и минеральные. Калмыцкие врачеватели знали до 3 тысяч лекарств (Омакаева, 2002: 279). Тех, кто применял при лечении лекарства называли *эмч*, костоправов — *отч*, массажистов — *бэрэч*, специалистов по лечению ран — *шархч*, повивальных бабок — *эк болсн ээж*, шаманы, «знающие» — *бө, удһн, медлһч*. Последние, являясь специалистами по лечебной магии, лечили заговором (*дом*), заклинанием (*тэрн*).

Среди нелекарственных средств можно назвать заговоры. Заговоры, основанные на вере в магию слова, прошли развитие от простых словесных формул до сложных поэтических жанровых образований и имеют тесную связь с общественной жизнью и окружающей средой. «Заговоры (тарни) — малый жанр словесного творчества калмыков — отличаются по своей форме простотой и лаконичностью», — отмечает Т. Г. Басангова (Борджанова, 2007: 21).

Исследователь классифицирует заговоры следующим образом:

- заговоры, связанные с лечебной магией;
- заговоры, связанные с природными явлениями, стихиями;
- заговоры, связанные с человеком и его деятельностью;
- заговоры, связанные с образами животных (там же: 27).

В культурной традиции калмыков народные лекари, лечившие силой заговора, знавшие сильные заклинания (*догшн тэрн*), пользовались уважением. Текст заговора был традиционным, но был возможен элемент импровизации.

Текст заговоров по ритмической организации приближается к стихам, напр.:

Ик өндгнь хорн болг,
Бичкн өндгнь аршан болг

Большое яйцо [лебеда] пусть будет ядом,
маленькое яйцо пусть будет лекарством

(Хальмг туульс, 1961: 109).

Сам текст заговора был магическим орудием перехода от исходного состояния мира к желаемому: от неудачи к удаче, от болезни к здоровью (Борджанова, 2007: 25).

В сказке «Нусха Му» главный герой отправляется за лекарством для больного хана. Найдя сайгака, он подстреливает его, произнося следующий заговор: «Һадр

махнь хорн болг, дотр махнь аршан болг» (Мясо снаружи пусть будет ядом, мясо внутри пусть будет лекарством) (Хальмг туульс, 1961: 46). После этого Нусха Му (букв. 'сопливый, плохой') мясо сайгака обменивает и отдает двум старшим ханским зятьям. Хан, выпив бульона из мяса сайгака, доставленного старшими зятьями, занемог еще больше. После этого младшая дочь хана готовит внутренности сайгака, привезенные Нусха Му, хан съедает их и выздоравливает (Хальмг туульс, 1961: 46–47). Таким образом, суть заговора, произносимого главным героем, в том, что внутренности сохраняют свои целебные свойства, а мясо становится вредоносным.

Обращает на себя внимание образ заговаривающего. По мнению Т. Г. Басанговой, характеристики заговаривающего, определенные В. Л. Кляусом в славянской фольклорной традиции (Кляус, 2000: 27), выделяются и в калмыцкой: действия заговаривающего; качества, характерные для заговаривающего; качество объектов, принадлежащих заговаривающему. Заговаривающий совершает определенные действия: он, например, выдувает болезнь, или прижигает ее огнем. При произнесении заговоров применяются предметы из бытового окружения человека — это острые и режущие предметы (нож, стрела, ножницы), с помощью которых отсекаются, прижигаются действия вредоносных сил (Борджанова, 2007: 26).

Как образ заговаривающего встречается в сказке и широко распространенный и почитаемый образ Белого Старца. В сказке о мальчике Бош со свистун-стрелой тош главный герой-сиротка был наказан ханом за то, что дерзнул свататься к его дочери. По повелению хана слуги лишили мальчика руки, глаза и ноги и бросили в безлюдной степи. Когда он был уже при смерти, привиделся ему седой старик с белой бородой, держащий в руках серебряный посох, и сказал: «Мальчик, открой рот». Когда мальчик открыл рот, старик, плюнув ему в рот, ударил ему серебряным посохом два-три раза в грудь: «Ну, мальчик, твои нога, рука и глаз окажутся на месте», — так сказав, ушел. И как только привиделось мальчику это, он тут же очнулся, нога, рука, глаз — все оказалось на месте (Записки Восточного Отдѣленія ... , 1890: 321–329).

Как видим, старец излечивает юношу, вернув ему ногу, руку и глаз. При этом производятся определенные действия: плевок в рот и удары посохом в грудь. Приведенный выше текст сказки подтверждает следующий вывод исследователя обрядовой поэзии Т. Г. Басанговой: «...огонь и вода, как первоэлементы мира, являются средствами очищения, уничтожения зла и вреда вместе с применяемыми дополнительными средствами и действиями, такими как сплевывание, сдувание, прищепывание. С их помощью болезнь отсылается дальше. Таким образом, у калмыков, как и у многих народов мира, сохранились процедуры, избавляющие от сглаза, порчи» (Борджанова, 2007: 41). Автор отмечает, что «Главная функция плевка — усиление энергетического действия фольклорного заговорного текста, наряду с хлопаньем в ладоши» (Борджанова, 2007: 46).

Таким образом, рассмотренные нами волшебные сказки представляют заговоры как одно из средств исцеления, произнесение которых сопровождалось дополнительными действиями с использованием огня, воды, а также серебра, имеющего в культуре калмыков охранную и очистительную функции.

Лекарственная терапия народной медицины калмыков на материале волшебных сказок

Как мы уже упоминали, калмыцкие целители делили все лечебно-оздоровительные приемы на лекарственные и нелекарственные. Лекарственные средства подразделялись в свою очередь на растительные, животные и минеральные. Растительные лекарства изготавливали из цветков и плодов, не повреждая корни растений. Бережное, рачительное отношение к растениям очень характерно для деятельности калмыцких эмч. Растения с давних пор широко использовались в лечении разнообразных заболеваний в виде отваров, примочек и снадобий. Это нашло свое отражение в волшебных сказках.

Так, герой одноименной сказки, юноша Эркия Билдер, преданный своими товарищами и низвергнутый в пропасть, исцеляется волшебной травой, которую используют мыши для заживления ран (Хальмг туульс, 1974: 18–27).

Внутренностям животного в традиционных представлениях калмыков приписывалась продуцирующая и исцеляющая сила, что нашло свое отражение в народной медицине. Как отмечает Т. И. Шараева, калмыки слабых и болезненных детей сажали в рубец овцы сразу после выемки внутренностей, предварительно очистив от содержимого. Считалось, что это придает жизненные силы больному ребенку. Ослабленных болезнью лечили бульоном из мяса, сваренного в рубце: в готовом рубце делали маленькие дырочки и выжимали его содержимое между двумя дощечками (Шараева, 2008: 164).

Обратим внимание на то, что герой сказки «Сэрсн бортх девлтэ Сэр гидг көвүн» («Юноша Сяр в шубе из сыромятной кожи») также отдает мясо оленя ханскому зятю, а сам забирает внутренности. Ханская дочь варит их, хан съедает и излечивается (Хальмг туульс, 1961: 109).

Калмыки считают, что внутренности и ливер овцы, заколотой весной, обладают целебными свойствами, так как они пропитаны соком свежих трав. В народной медицине бульон, в котором варился *дотур* (говяжьих или бараньих внутренностей, ливер (сердце, легкие, печень), почки и сваренная кровь), до сих пор используется как лекарственное средство при простудных заболеваниях и сильном кашле (Шараева, 2008: 165).

В сказке из сборника «Седклин күр» (Задушевный разговор) именно внутренние органы ханских детей требует мнимо больная *шулмуска*¹, супруга хана. Бульон, приготовленный из их сердца и почек, она называла средством для ее исцеления (Седклин күр, 1960: 53–58). В другой сказке «Һунуха Дөнэкэ хойр» (букв. трехлетний и четырехлетний) старик-шулмус, женившись на ханской дочери, заявляет, что бульон из сердца и почек ее сыновей — это средство его исцеления. Мальчишки-братья в свою очередь съели золотую курицу: старший брат — крыло, младший —

¹ Шулмус (калм. *шулмс*) — демонологический персонаж. Одним из его характерных признаков являются распущенные неприбранные волосы. Женская ипостась этой нечистой силы представлялась огромной длинногрудой женщиной, которая перебрасывает их назад (Басангова, 2011).

проглотил голову. Благодаря этому старший брат стал ханом, а младший приобрел красоту. О шулмусе дальше не упоминается (Хальмг туульс, 1961: 67–71).

Согласно традициям народной медицины калмыков, употребление печени в полусыром виде излечивает все болезни желудочно-кишечного тракта и помогает улучшить состав крови человека. Т. И. Шараева, рассматривая субпродукты в мясном рационе у калмыков, пишет следующее: «Сразу после разделки туши барана у калмыков часть печени используется для приготовления угощения *нуһлур*, которое должны поднести в первую очередь старикам. Для этого кусочки печени оборачивают внутренним жиром и обжаривают над костром, при этом в прошлом старались, чтобы печень оставалась полусырой и была поделена среди всех присутствующих стариков» (Шараева, 2008: 167; курсив источника. — Б. Г.). Исследователь отмечает, что подобного обычая также придерживаются тувинцы и монголы.

Помимо фольклорных единиц, в калмыцком языке также присутствуют фразеологические обороты, в которых упоминается печень в значении проявления родственных чувств, эмоций:

- «*элкнь урсх*» (букв. печень его растворяется) — проникнуться к кому-либо острой жалостью, болеть о ком-либо душой (Пюрбеев, 1971: 57);
- «*элкэн татх*» — быть похожим на родственников (Калмыцко-русский словарь, 1977: 482).

«Печень *элкн* как кроветворный орган весьма значима в традиционной культуре монгольских народов. Она символизирует родство. В калмыцкой традиции родство “по крови” означает связь с родственниками матери, а родство “по кости” — с родственниками отца», — отмечает Т. И. Шараева (Шараева, 2015: 79).

Так, в сказке «Делгр» жена главного героя сказки Очира убила своего сына, приготовила и подала его мясо мужу. Очир во время трапезы спрашивает: «Это что за мясо? Когда ем печень, печень тянет, когда ем почки, почки тянет». Супруга, чтобы навредить своей золовке, на это отвечает: «Твоя сестра-*алмас* разве оставит кого в покое: “Единственный на всей земле мой младший брат отощал, скоро умрет. Убей его сына, зажарь и подай”, — так говоря, не давала мне покоя» (Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 146. С. 182–187).

Почки, как и печень с сердцем, относятся к органам «отвечающим» за состояние крови. Помимо этого почки своей работой связаны со всеми органами в организме. Месторасположение почек связывает их с символикой маскулинности. В связи с этим поедание почек разрешалось мальчикам только до 15-летнего возраста (Шараева, 2015: 80).

Описывая рецепты народной медицины калмыков, Б. А. Шантаев отмечает, что желчь животных широко использовалась в лечении разных заболеваний (Шантаев, 2005: 341).

В сказке о Манджин Зарлике для излечения ханской дочери используется желчь кошки. Юноша-работник семь дней читает тарни, дует на девушку, делая вид будто лечит, три дня по утрам на голодный желудок дает ей лизнуть желчь кошки.

После этого почти сразу все, что девушка начала есть и пить, стало усваиваться, она поправилась, исцелилась (Записки Восточного Отдѣленія ... , 1889: 307–346).

При помощи высушенной на солнце желчи волка калмыки лечили туберкулез легких. При этом желчный пузырь, согласно народным представлениям о демонологии, является местонахождением злого духа, способного вселиться в тело человека. Поэтому забойщик обязательно трижды сплевывает на вырезанный желчный пузырь и выбрасывает его через левое плечо (Шараева, 2008: 168).

Наряду с вышеперечисленными лекарствами животного происхождения широко использовалось молоко. Отметим, что в рассмотренных текстах сказок в качестве лекарства применяется и молоко животных, и молоко матери.

В традиционной калмыцкой кухне разнообразны блюда из молока — сыр, творог, сметана, простокваша из коровьего молока и кумыс из кобыльего. Из молока изготавливались кислый продукт *чигян* (среднее между кефиром и простоквашей) и *бозо* (гуца после переработки калмыцкой молочной водки). *Чигян* считался полезной пищей — его часто использовали в лечебных целях. Во многих калмыцких сказках упоминается этот кисломолочный напиток. Именно *чигян* подносят усталому путнику и потом начинают расспросы.

В сказке «Юноша-стрелок и хан Царкин» герою поручается добыть молоко тигрицы с тигрятами, которое является лекарством для хана. Это поручение сопряжено со смертельной опасностью, но благодаря помощи чудесной супруги герой привозит это лекарство для хана (Записки Восточного Отдѣленія ... , 1891: 20–23).

Молоко матери обладает чудодейственной силой. В сказке из сборника «Седклин күр» (Задумчивый разговор) Бадма, сын хана Бадамджи, готовит *чигян* из молока своей матери и, дважды перегнав его, делает *араку*. Из *бозо* от *араки* герой делает три *хурсуна* — сушеных творожных лепешки и мешок сушеного творога. На молоке своей матери замешивает тесто, делает мешок мелких круглых *борцоков*, которые потом кидает *шулмусам*, хтоническим существам, охранявшим коня его отца, и отрывается от погони (Седклин күр, 1960: 25–31).

Таким образом, тексты калмыцких волшебных сказок показывают, что в лекарственной терапии использовались средства растительного и животного происхождения.

Заключение

Тексты сказок калмыков иллюстрируют древние представления об обитателях верхнего и нижнего миров, способных воскрешать и исцелять. Заговоры в волшебных сказках калмыков — широко встречаемое средство исцеления. Их произнесение сопровождалось действиями с использованием первоэлементов, а также серебра и оружия. Тексты сказок показывают, что в лекарственной терапии калмыками использовались средства растительного и животного происхождения.

Материалы волшебной сказки дополняют картину традиций народной медицины калмыков. При этом мотивы исцеления в сказках описывают и маги-

ческие способы оживления существами и растениями иного мира. Конечно, не все традиции народной медицины калмыков отражены в данном жанре фольклора и в рамках статьи не все темы раскрыты. Однако из обозначенных положений можно будет продолжить исследование проблемы традиций народной медицины на общефольклорном фоне с привлечением других жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басангова, Т. Г. (2011) Демонологические персонажи в фольклоре калмыков [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2–3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/423> (дата обращения 20.08.2018)

Батырева, С. Г. (2005) Старокалмыцкое искусство XVII — начала XX века. М : Наука. 176 с.

Борджанова, Т. Г. (1999) Магическая поэзия калмыков. Исследование и тексты. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 592 с.

Борджанова, Т. Г. (2007) Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 182 с.

Горяева, Б. Б. (2016) Мифологическое трехмирие в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и сказках // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН / отв. ред. Т. Г. Басангова. Элиста : КалмНИЦ РАН. 324 с. С. 88–91.

Калмыцко-русский словарь (1977) / под ред. Б. Д. Муниева. М. : Русский язык. 768 с.

Кичиков, А. Ш. (1994) Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типо-логическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное / отв. ред. С. Ю. Не-клюдов. М. : Наука, Издательская фирма «Восточная литература». 320 с.

Кляус, В. Л. (2000) Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие». 192 с.

Манджиева, Б. Б. (2016) К проблеме изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. № 1. С. 44–50.

Мутляева, Б. Э. (1978) Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара» / отв. ред. Э. Б. Овалов. Элиста: Калм. кн. изд-во. 127 с. С. 51–62.

Мутляева, Б. Э. (1982) Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и в калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста : КНИИЯЛИ. 158 с. С. 43–49.

Овалов, Э. Б. (1982) Мотив «помощник героя» в версиях эпоса «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста : КНИИЯЛИ. 158 с. С. 50–56.

Овалов, Э. Б. (1999) Мотив мифического первотворения в эпосе // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература). Международная научная

конференция. Тезисы выступлений / отв. ред. П. Ц. Биткеев. Элиста : Калмыцкий институт гуманитарных исследований. 144 с. С. 115–117.

Овалов, Э. Б. (2001) Проблемы типологии эпических мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 16. С. 77–88.

Овалов, Э. Б. (2004) Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста : Джангар. 184 с.

Овалов, Э. Б. (2011) Типология эпических микромотивов в эпосе монгольских народов // Научная мысль Кавказа. № 1-2 (65). С. 92–95.

Омакаева, Э. У. (2002) Медицинские знания у калмыков (по архивным и полевым источникам) // Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора А. Ш. Кичикова / отв. ред. Л. К. Натыров. Элиста : Джангар. 304 с. С. 278–281.

Позднеев, А. М. (1892) Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях Астраханской губернии и в подлинном калмыцком тексте изданные А. М. Позднеевым, ординарным профессором СПб. Университета. СПб. : Типография Императорской академии наук. 150 с.

Пюрбеев, Г. Ц. (1971) Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов. М. ; Элиста : Рес. тип. Управления по делам изд-в, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР. 59 с.

Седклин кур [Задумшевный разговор] (1960). Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 86 с.

Селеева, Ц. Б. (2006) Мотив условия в синьцзян-ойратской версии «Джангара» // Молодежь и наука: третье тысячелетие. Материалы II республиканской научно-практической конференции / отв. ред. Б. К. Салаев. Элиста : АОр «НПП «Джангар». 446 с. С. 169–174.

Селеева, Ц. Б. (2007) Мотив ультиматума и его формульная реализация в синьцзян-ойратской и калмыцкой версиях «Джангара» // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН. 140 с. С. 80–86.

Селеева, Ц. Б. (2008) Мотив пира в структуре эпического сюжета (на примере синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3. С. 52–54.

Селеева, Ц. Б. (2008) Мотив тархая-паршивца в эпосе «Джангар» (на материале синьцзян-ойратской и калмыцкой версий) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Материалы Международной научной конференции : в 2 ч. / ред. коллегия: Н. Г. Очирова (отв. ред.), Э. П. Бакаева Э. У. Омакаева (зам. отв. редактора), У. Б. Очиров. Элиста : КИГИ РАН. Ч. 2. 238 с. С. 58–65.

Селеева, Ц. Б. (2010) Мотив пира в эпосе «Джангар» // Танцевальный фольклор народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности Заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата государственной премии Калмыцкой АССР имени О. И. Городовикова П. Т. Надбитова / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН. 220 с. С. 171–190.

Селеева, Ц. Б. (2013) Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста : КалмНЦ РАН. 276 с.

Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков (2016) / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева, Т. И. Шараева, Н. В. Балинова, И. А. Хомякова, С. В. Мирзаева. Элиста : КалмНЦ РАН. 456 с.

Убушиева, Д. В. (2006) О семантике архаического мотива «поглощения и выхаркивания» в эпосе «Джангар» (на материале песен Багацохуровского цикла) // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск № 3. С. 144–146.

Убушиева, Д. В. (2007) Мифологический мотив трех миров (на материале Багацохуровского цикла «Джангара») // Феномен личности Д. Кугультинова — поэта, философа и гражданина. Международная научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Д. Н. Кугультинова. 18–19 апреля 2007 г. / отв. ред. С. М. Трофимова. Элиста : КалмГУ. 247 с. С. 231–233.

Убушиева, Д. В. (2007) Мотив магической неуязвимости: к типологии мотива (на материале песен Багацохуровского цикла «Джангара») // Россия и Центральная Азия: Историко-культурное наследие и перспективы развития: Материалы научно-практической конференции : в 2 ч. / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста : КИГИ РАН. Ч. I. 140 с. С. 90–95.

Шантаев, Б. А. (2005) Рецепты народной медицины у калмыков // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Материалы I-х Бертагаевских чтений / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН. 389 с. С. 341–344.

Шараева, Т. И. (2008) Субпродукты в мясном рационе у калмыков: традиции охотников и скотоводов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов сборник научных трудов / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста : КалмГУ. 177 с. С. 164–171.

Шараева Т. И. (2015) Субпродукты в обрядовой культуре калмыков // Актуальные проблемы современного монголоведения / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста : КИГИ РАН. 256 с. С. 74–84.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. III. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. С. 307–346.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. IV. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 321-329.

Хальмг туульс [Калмыцкие сказки] (1961) : в 4 т. / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста : Калм. кн. гос. изд-во, 1961. Т. 1. 220 с. (На калм. яз.).

Хальмг туульс [Калмыцкие сказки] (1974) : в 4 т. / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста : Рес. тип. Управления по делам изд-в, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР. Т. 4. 274 с. (На калм. яз.).

Kalmückische Sprachproben (1909). Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors : Societe Finno-Ougrienne. 154 s. (На нем. и калм. яз.).

Дата поступления: 31.08.2018 г.

REFERENCES

Basangova, T. G. (2011) Demonologicheskie personazhi v fol'klore kalmykov [Demonic characters in the Kalmyk folklore]. *The New Research of Tuva*, no. 2–3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/423> (access date: 20.08.2018) (In Russ.).

Batyreva, S. G. (2005) *Starokalmytskoe iskusstvo XVII — nachala XX veka [Old-Kalmyk art of the 17th – early 20th centuries]*. Moscow, Nauka. 176 p. (In Russ.).

Bordzhanova, T. G. (1999) *Magicheskaiia poeziia kalmykov. Issledovanie i teksty [The magical poetry of the Kalmyks. Research and texts]*. Elista, Kalmyk publishing house. 592 p. (In Russ.).

Bordzhanova, T. G. (2007) *Obriadovaia poeziia kalmykov (sistema zhanrov, poetika) [The traditional poetry of the Kalmyks: genre system and poetics]*. Elista, Kalmyk publishing house. 182 p. (In Russ.).

Goriaeva, B. B. (2016) Mifologicheskoe trekhmirie v kalmytskom geroicheskom epose «Dzhangar» i skazkakh [The mythological three-world structure in the Kalmyk heroic epic «Dzhangar» and fairy tales]. In: «Dzhangar» i epicheskie traditsii tiurko-mongol'skikh narodov: problemy sokhraneniia i issledovaniia. Mat-ly III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [«Dzhangar» and the epic traditions of the Turkic-Mongolian peoples: problems of preservation and research. The materials of the III International research Conference dedicated to the 75th anniversary of the Kalmyk Humanitarian Research Institute of the Russian Academy of Sciences] / Ed. by T. G. Basangova. Elista, KalmNTs RAN. 324 p. Pp. 88–91. (In Russ.).

Kalmytsko-russkii slovar' [A Kalmyk-Russian dictionary] (1977) / ed. by B. D. Muniev. Moscow, Russkii iazyk. 768 p. (In Kalmyk and Russ.).

Kichikov, A. Sh. (1994) *Geroicheskii epos «Dzhangar». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamiatnika [The heroic epic «Dzhangar»: A comparative typological study of the monument]*. 2nd ed., reprint / ed. by S. Iu. Nekliudov. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura Publishing. 320 p. (In Russ.).

Kliaus, V. L. (2000) *Siuzhetika zagovornykh tekstov slavian v sravnitel'nom izuchenii [Plots in Slavic charm texts in comparative study]*. Moscow, IMLI RAN, «Nasledie». 192 p. (In Russ.).

Mandzhiyeva, B. B. (2016) K probleme izucheniia motivov kalmytskoi bogatyrskoi skazki i geroicheskogo eposa «Dzhangar» [On the problem of studying motifs in the Kalmyk heroic tales and the epic «Dzhangar»]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic studies*, no 1, pp. 44–50. (In Russ.).

Mutliaeva, B. E. (1978) Motiv chudesnogo rozhdeniia geroia v tiurko-mongol'skom geroicheskom i skazochnom epose [The motif of the miraculous birth of a hero in the Turkic-Mongolian epic and tales]. In: *Tipologicheskie i khudozhestvennye osobennosti «Dzhangara» [Typological and artistic features of the «Dzhangar»]* / ed. by E. B. Ovalov. Elista, Kalmyk publishing house. 127 p. Pp. 51–62. (In Russ.).

Mutliaeva, B. E. (1982) Motiv chudesnogo rozhdeniia geroia v skazochnom epose mongol'skikh narodov i v kalmytskom epose «Dzhangar» [The motif of the miraculous birth of a hero in the epic of the Mongolian peoples and in the Kalmyk epic «Dzhangar»]. In: *Epicheskaiia poeziia mongol'skikh narodov [Epic poetry of the Mongolian peoples]* / ed. by N. Ts. Bitkeev. Elista, KNIIIaLI. 158 p. Pp. 43–49. (In Russ.).

Ovalov, E. B. (1982) Motiv «pomoshchnik geroia» v versiiakh eposa «Dzhangar» [The motif of the hero's assistant in the versions of the epic «Dzhangar»]. In: *Epicheskaiia poeziia*

mongol'skikh narodov [Epic poetry of the Mongolian peoples] / ed. by N. Ts. Bitkeev. Elista, KNIIIaLI. 158 p. Pp. 50–56. (In Russ.).

Ovalov, E. B. (1999) Motiv mificheskogo pervotvoreniiia v epose [The motif of the mythical primeval creation in the epic]. In: *Aktual'nye problemy altaistiki i mongolovedeniia (iazyk i literatura). Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Tezisy vystuplenii [Urgent issues of Altaistics and Mongology (language and literature): International symposium. Paper abstracts]* / ed. by P. Ts. Bitkeev. Elista, Kalmytskii institut gumanitarnykh issledovaniia. 144 p. Pp. 115–117. (In Russ.).

Ovalov, E. B. (2001) Problemy tipologii epicheskikh motivov i siuzhetov v epose mongol'skikh narodov [Problems of typology of epic motifs and subjects in the epic of Mongolian peoples]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniia RAN*, no. 16, pp. 77–88. (In Russ.).

Ovalov, E. B. (2004) *Tipologiiia motivov i siuzhetov v epose mongol'skikh narodov (opyt sravnitel'no-tipologicheskogo issledovaniia) [Typology of motifs and subjects in the epic of Mongolian peoples: an attempt at comparative typological research]*. Elista, Dzhangar. 184 p. (In Russ.).

Ovalov, E. B. (2011) Tipologiiia epicheskikh mikromotivov v epose mongol'skikh narodov [Typology of epic micromotives in the epic of Mongolian peoples]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, no. 1-2 (65), pp. 92–95. (In Russ.).

Omaeva, E. U. (2002) Meditsinskie znaniia u kalmykov (po arkhivnym i polevym istochnikam) [Medical knowledge among Kalmyks (according to archival and field sources)]. In: *Materialy nauchnykh chtenii, posviashchennykh pamiati professora A. Sh. Kichikova [Materials of scientific readings dedicated to the memory of Professor A. Sh. Kichikov]* / ed. by L. K. Natyrov. Elista, Dzhangar, 304 p. Pp. 278–281. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. (1892) *Kalmytskie narodnye skazki, sobrannye v kalmytskikh stepiakh Astrakhanskoi gubernii i v podlinnom kalmytskom tekste izdannye A. M. Pozdneevym, ordinarnym professorom SPb. Universiteta [Kalmyk folk tales collected in the Kalmyk steppes of the Astrakhan province and published in the original Kalmyk by A. M. Pozdneev, Ordinary Professor of St. Petersburg University]*. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk. 150 p. (In Kalm.).

Piurbeev, G. Ts. (1971) *Kratkii kalmytsko-russkii slovar' glagol'nykh frazeologizmov [A short Kalmyk-Russian dictionary of verbal phraseology]*. Moscow; Elista, Respublikanskaia tipografiia Upravleniia po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoi trgovli Soveta Ministrov Kalmytskoi ASSR. 59 p. (In Russ.).

Sedklin kyr [A heartfelt conversation] (1960). Elista, Kalmyk publishing house. 86 p. (In Kalm.).

Seleeva, Ts. B. (2006) Motiv usloviia v sin'tszian-oiratskoi versii «Dzhangara» [The motif of condition in the Xinjiang-Oirat version of the «Dzhangar»]. In: *Molodezh' i nauka: tret'e tysiacheletie. Materialy II respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Youth and Science: The Third Millennium. Materials of the II republican scientific-practical conference]* / ed. by B. K. Salaev. Elista, Dzhangar. 446 p. Pp. 169–174. (In Russ.).

Seleeva, Ts. B. (2007) Motiv ul'timatuma i ego formul'naia realizatsiia v sin'tszian-oiratskoi i kalmytskoi versiiakh «Dzhangara» [The ultimatum motif and its formal implementation in the Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions of the «Dzhangar»]. In: *Rossiia i Tsentral'naia*

Aziia: istoriko-kul'turnoe nasledie i perspektivy razvitiia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Russia and Central Asia: Historical and Cultural Heritage and Development Prospects. Proceedings of the International Scientific Conference] / ed. by N. G. Ochirova. Elista, KIGI RAN. 140 p. Pp. 80–86. (In Russ.).

Seleeva, Ts. B. (2008) Motiv pira v strukture epicheskogo siuzheta (na primere sin'tszian-oiratskoi i kalmytskoi versii eposa «Dzhangar») [The motive of the feast in the structure of the epic story (on the example of the Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions of the epic «Dzhangar»)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 3, pp. 52–54. (In Russ.).

Seleeva, Ts. B. (2008) Motiv tarkhaia-parshivtsa v epose «Dzhangar» (na materiale sin'tszian-oiratskoi i kalmytskoi versii) [The motif of the scumbag tarkhai in the epic «Dzhangar» in the Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions]. In: *Oiraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia and China: Proceedings of the International Scientific Conference]: in 2 vols. / editorial board: N. G. Ochirova (ed.) et al. Elista, KIGI RAN. Vol. 2. 238 p. Pp. 58–65. (In Russ.).*

Seleeva, Ts. B. (2010) Motiv pira v epose «Dzhangar» [The motif of the feast in the epic «Dzhangar»]. In: *Tantseval'nyi fol'klor narodov Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu so dnia rozhdeniia i 50-letiiu tvorcheskoi deiatel'nosti Zasluzhennogo deiatelia iskusstv RSFSR, laureata gosudarstvennoi premii Kalmytskoi ASSR imeni O. I. Gorodovikova P. T. Nadbitova [Dance folklore of the peoples of Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of the Honored Artist of the RSFSR, the laureate of the State Prize of the Kalmyk ASSR named after O.I. Gorodovikov, P. T. Nadbitov] / ed. by N. G. Ochirova. Elista, KIGI RAN. 220 p. Pp. 171–190. (In Russ.).*

Seleeva, Ts. B. (2013) *Ukazatel' tem kalmytskoi i sin'tszian-oiratskoi versii eposa «Dzhangar» [Index of the themes in Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions of the epic «Dzhangar»]. Elista, KalmNTs RAN. 276 p. (In Russ.).*

Transgranichnaia kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniia traditsii zapadnykh mongolov i kalmykov [Cross-border culture: essays of a comparative study of the traditions of the western Mongols and Kalmyks] (2016) / E. P. Bakaeva, K. V. Orlova, D. N. Muzraeva, T. I. Sharaeva, N. V. Balinova, I. A. Khomiakova and S. V. Mirzaeva. Elista, KalmNTs RAN. 456 p. (In Russ.).

Ubushieva, D. V. (2006) O semantike arkhaiskogo motiva «pogloshcheniia i vykharkivaniia» v epose «Dzhangar» (na materiale pesen Bagatsokhurovskogo tsikla) [On the semantics of the archaic motif of «swallowing and spitting out» in the epic «Dzhangar» (from the songs of the Bagatsokhurovsky cycle)]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, special issue, no. 3, pp. 144–146. (In Russ.).

Ubushieva, D. V. (2007) Mifologicheskii motiv trekh mirov (na materiale Bagatsokhurovskogo tsikla «Dzhangara») [Mythological motif of three worlds (from the Bagatsokhurovsky cycle of the «Dzhangar»)]. In: *Fenomen lichnosti D. Kugul'tinova — poeta, filosofa i grazhdanina. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 85-letiiu so dnia rozhdeniia D. N. Kugul'tinova. 18–19 apreliia 2007 g. [Phenomenon of D. Kugultinov's personality – poet, philosopher and citizen. International research conference dedicated to the 85th*

anniversary of the birth of D. N. Kugultinov. April 18-19, 2007] / ed. by S. M. Trofimova. Elista, KalmGU. 247 p. Pp. 231–233. (In Russ.).

Ubushieva, D. V. (2007) Motiv magicheskoi neuiazvimosti: k tipologii motiva (na materiale pesen Bagatsokhurovskogo tsikla «Dzhangara») [On the typology of the motif of magical invulnerability (from the songs of Bagatsohurovsky cycle of the «Dzhangar»)]. In: *Rossii i Tsentral'naia Aziia: istoriko-kul'turnoe nasledie i perspektivy razvitiia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Russia and Central Asia: Historical and Cultural Heritage and Development Prospects. Materials of the International Research Conference]* / ed. by N. G. Ochirova. Elista, KIGI RAN. 140 p. Pp. 90–95. (In Russ.).

Shantaev, B. A. (2005) Retsepty narodnoi meditsiny u kalmykov [Recipes of folk medicine from Kalmyks]. In: *Trofim Alekseevich Bertagaev: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia. Materialy I-kh Bertagaevskikh chtenii [Trofim Alekseevich Bertagaev: to the 100th anniversary of his birth. Proceedings of the 1st Bertagaev readings]* / ed. by N. G. Ochirova. Elista, KIGI RAN. 389 p. Pp. 341–344. (In Russ.).

Sharaeva, T. I. (2008) Subprodukty v miasnom ratsione u kalmykov: traditsii okhotnikov i skotovodov [By-products in the meat ration of Kalmyks: traditions of hunters and pastoralists]. In: *Problemy etnogeneza i etnicheskoi kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]* : collection of scientific works / ed. by E. P. Bakaeva. Elista, KalmGU. 177 p. Pp. 164–171. (In Russ.).

Sharaeva T. I. (2015) Subprodukty v obriadovoi kul'ture kalmykov [Variety meats in the ritual culture of the Kalmyks]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniia [Urgent issues of contemporary Mongology]* / ed. by N. G. Ochirova. Elista, KIGI RAN. 256 p. Pp. 74–84. (In Russ.).

Zapiski Vostochnago Otdeleniia Imperatorskago Russkago Arkheologicheskago Obshchestva [Transactions of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society] (1889). Vol. III. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk. Pp. 307–346.

Zapiski Vostochnago Otdeleniia Imperatorskago Russkago Arkheologicheskago Obshchestva [Transactions of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society] (1890). Vol. IV. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk. Pp. 321–329.

Khal'mg tuul's [Kalmyk Tales] (1961) : in 4 vol. / comp. by B. Sangadzhieva and L. Sangaev, ed. by U. Ochirov. Elista, Kalmyk publishing house. Vol. 1. 220 p. (In Kalm.).

Khal'mg tuul's [Kalmyk Tales] (1974) : in 4 vol. / comp. by B. B. Okonov and E. D. Muchkinova. Elista, Res. tip. Upravleniia po delam izd-v, poligrafii i knizhnoi torgovli Soveta Ministrov Kalmytskoi ASSR. Vol. 4. 274 p. (In Kalm.).

Kalmückische Sprachproben. Erster Teil. Kalmückische Märchen [Samples of the Kalmyk language. First part. Kalmyk fairy tales] (1909) / comp. and ed. by G. J. Ramstedt. Helsingfors, Societe Finno-Ougrienne. 154 p. (In Kalm. and Deutsch).

Submission date: 31.08.2018.

Для цитирования:

Горяева Б. Б. Традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.4.9

For citation:

Goryaeva B. B. Traditions of folk medicine in the motif of Kalmyk fairy tales. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 4 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.4.9